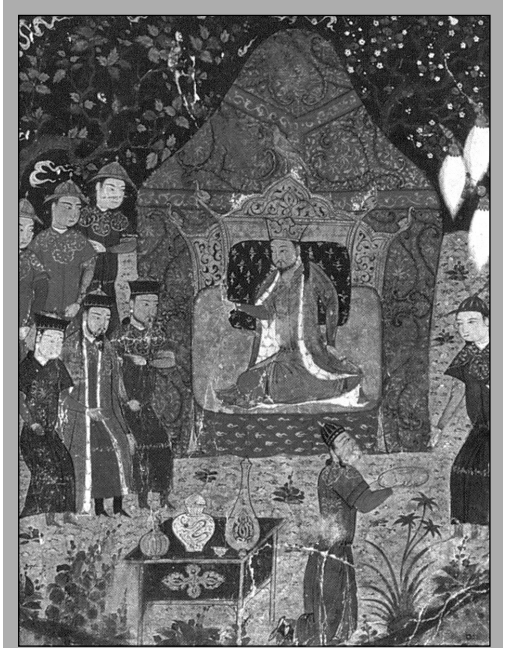
«Быть верным с друзьями и притворно равнодушным с врагами»

(Культура государственной жизни в тюрко-татарских обществах XV-XVI вв.)

Коронация Чингиза. Персидская миниатюра из рукописи Рашид-ад Дина «Сборник летописей». XIV в. Из личного архива автора.

Одним из важных аспектов истории тюрко-татарской цивилизации XV-XVI вв. и несколько более позднего времени являлась традиция государственного существования, породившая целый пласт особой культуры государственной жизни. Это и культура дипломатии, придворного церемониала, и система государственных символов. Несмотря на то что информации по данной теме не так много, к тому же по разным государствам она представлена неравномерно, из разрозненных данных можно сделать определенные выводы о характере этого весьма своеобразного раздела культуры средневековых тюрко-татарских обществ интересующего нас периода. Ее истоки в большинстве своем явно восходят к золотоордынской цивилизации.

В целом проблема культуры государственной жизни в тюрко-татарских обществах остается разработанной весьма слабо. Отдельные ее стороны затрагивались еще в дореволюционных исследованиях[1]. Затем тема была продолжена в работах 1920-х гг.[2] В последние десятилетия интерес к ней явно усилился[3].

Культура дипломатии.

Многие стороны дипломатии в Казанском ханстве прослеживаются на основе материалов его взаимоотношений с Московским государством. Например, известны переговоры 1497 г. о «наречении» на казанский престол султана Абул-Латыфа, переговоры 1507 г. «о миру, о братстве и о дружбе»[4]. Более развернутая картина переговорного процесса известна по событиям 1516 г., когда из Казани в Москву прибыл посол Шаусеин-сеид (Шах-Хусейн) с просьбой «учинить царем» на место больного хана Мухаммет-Амина его брата Абул-Латыфа. Посол имел полномочия говорить от имени хана Мухаммет-Амина и «всей земли Казанской» относительно того, чтобы дать московскому великому князю «правду, какову князь великий захочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакого не взяти». Из Казани посол привез проект договора, подписанный ханом Мухаммет-Амином перед московским посланником И. А. Челядиновым. Последний вместе с казанским послом Шаусеин-сеидом выехал в Москву. Очевидно, сеид должен был получить под договором подпись великого князя Василия Ивановича. Будучи в Москве, казанский посол «написал своей рукою, на чем царю да и всей земле Казанской дати шерть (присягу. — *Д. И.*)». После этого Шаусеин-сеид вместе с русскими послами выехал в Казань, где хан Мухаммет-Амин и «вся земля Казанская», согласно достигнутой ранее договоренности, «учинили правду». Затем русские послы поехали обратно в Москву, взяв с собой и Шаусеин-сеида, который должен был говорить от имени Мухаммет-Амина «с великим молением», чтобы Василий Иванович «пожаловал» брата хана Абдул-Латыфа[5].

В 1546 г. из Казани в Москву вернулись русские послы, вместе с которыми находился и казанский посол Гаммет-ших (шейх), имевший на руках грамоту, написанную от имени трех знатных казанцев — Буюрган-сеида (Абеюрган), князя Кадыша и Чюры Нарыкова (последний также был князем — карача-беком и принадлежал к клану Аргынов). В грамоте говорилось: «Сеит, и уланы, и князи, и мырзы, и шихы, и шихзады, и долышманы, и казакы, и вся земля Казаньскаа биют челом… чтобы их государь пожаловал… дал им на Казань царя Шигалея, а послал бы в Казань своего сына боярского привести сеита, и уланов, и князей, и всю землю Казаньскую к правде». Сеидом, от имени которого было написано письмо и которого совместно с остальной знатью ханства должны были «привести к правде», был Буюрган. В летописи сообщается, что «князь великий послал к сеиту к Беюргану, и к Кадышу, и к Чюре… Остафия Андреева с своим жалованным словом и к правде их привести». Перед русским послом «сеит, и уланы, и князи, и мырзы, и вся земля Казаньская» великому князю московскому «правду учинила» в том, что «им от великого князя и от Шигалея-царя неотступными быти и до своих животов». 15 марта 1546 г. вместе с русским послом, принявшим присягу верности от казанцев, в Москву прибыли и казанские послы — князь Уразлый с хафизом (афызом) Андрычеем. Послам было предписано «бити челом» от имени «сеита, и уланов, и князей, и всей земли Казаньской», чтобы «государь отпустил к ним Шигалея-царя не модчаа»[6].

Показательно, что в решении вопроса о казанском хане, который очень часто приобретал внешнеполитический характер, постоянно участвовали сеиды[7]. Значимой была роль сеидов и в процедуре «шертования» (присяги. — *Д. И.*). Самой важной разновидностью шертования являлась присяга на верность претенденту на трон, присылаемому из Москвы. Так, в 1519 г. при посажении Шах-Галия на казанский престол вся знать и «все земские люди» были приведены к «шерти». Перечень присягавшей знати начинается с «сеита». В 1546 г., до того как из Москвы в Казань был отпущен хан Шах-Гали, перед русскими послами «сеит, и уланы, и князи, и мырзы, и вся земля Казанская» также «дали правду». Лишь после этого хан был отправлен в Казань. Но, по-видимому, процедура шерти в данном случае не успела состояться (из-за кратковременности пребывания хана в Казани). При посажении хана Шах-

Галия в очередной раз на казанский престол в августе 1551 г. шерть была проведена по всей форме. Вначале дала шерть казанская знать (перечень ее начинается с муллы Кул-Шерифа и сеида (Кул) Мухаммета), а «царь (т. е. хан Шах-Гали. — *Д. И.*)... шертные грамоты попечатал своими печатьми, а Казаньскыя люди лутчие многие руки свои поприклали». Лишь после этого «все люди Казанскые, по сту человек, и по двесте, и по триста... к правде ходили три дни, а правду дали на том, на чем и болшие людие их правду дали».

Другим видом шерти были договоры о взаимоотношениях Казанского ханства с Московским государством. В подготовке их также участвовали сеиды. Договоры были двух типов — о «мире, о братстве и дружбе» и о «невзятии» на казанский престол царя и царевича без ведома великого князя московского. Как уже говорилось, в 1507 г. Бураш-сеид приехал в Москву от имени хана Мухаммет-Амина «бити челом о миру, о братстве и о дружбе, как было... с великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси». Переговоры по этому вопросу уже велись ранее, поэтому приезд Бураш-сеида в качестве ханского посла надо рассматривать как некоторый кульминационный момент переговорного процесса. Действительно, в итоге усилий Бураш-сеида Василий Иванович 8 сентября 1508 г. «с царем Магмед-Аминем взял мир, братство и дружбу», отпустив в Казань посланника, сеида, в сопровождении своего посла. Так как последний вернулся в Москву в январе 1509 г., «да и грамоты шертные от царя Магмед-Аминя привезл... да царь перед ним по той грамоте и шерть дал о дружбе и о братстве, как было... с Иваном Васильевичем», получается, что Бураш-сеид ездил в Москву для подготовки проекта соглашения.

О практике предварительного согласования проекта договора ясно говорят события 1512 г. Зимой этого года в Москву приехал посол хана Мухаммет-Амина Шаусеин-сеид с предложением, как уже отмечалось, «о крепком миру и о дружбе». В итоге его переговоров с боярами великого князя по вопросу о том, «на чем быти царю Магмед-Аминю с великим князем, в крепком миру и в докончании», сеид написал «шертную грамоту» и перед боярами «шерть дал в том, что царю Магмед-Аминю в Казани перед великого князя послом шерть дати, что по той грамоте царю правити великому князю и до своего живота». Как видим, речь идет о проекте договора. После согласования текста договора в Москве казанский посол вместе с русским послом выехал в Казань, где хан Мухаммет-Амин «перед великого князя послы на той грамоте шерть дал и мяшень (печать. — *Д. И.*) к ней приложил».

Второй вариант договора был подписан в 1516 г., когда хан Мухаммет-Амин был серьезно болен. Казанские послы, прибывшие в Москву во главе с Шаусеин-сеидом, сообщили о болезни хана и просили «учинить» ханом Абдул-Латыфа, пообещав, что «Магмед-Эмин царь, да и вся земля Казанская, дадут великому князю правду, какову великий князь похочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти». И Шаусеин-сеид, как ханский посол, «записи на том... написал своею рукою, на чем царю да и всей земли Казаньской дати шерть». Это был проект соглашения, так как с «теми записями» московский великий князь вместе с сеидом в Казань отправил своих послов, перед которыми «Магмед-Аминь царь и вся земля Казанская к великому князю на тех записях правду учинили»[8].

Практика составления предварительных проектов договоров отмечается и применительно к другим, аналогичным татарскому государствам. Это видно из описания процедуры присяги Москве сибирского князя Едигера Тайбугида между 1555-1558 гг.[9] и хана Кучума в 1571 г.[10], из хода подготовки астраханско-литовского соглашения 1540 г.[11], а также из информации о московско-крымских соглашениях 1508, 1515-1518 гг.[12] В последнем случае Иван III предложил крымскому хану к проекту соглашения «*нишаны* бы еси свои и *алые тамги* (выделено нами. — *Д. И.*) к той грамоте… прикласти…». Одновременно крымский хан должен был на этом договоре «учинить правду… почен сам собою в головах, и с

своим братом с Ахматом царевичем, и с своими детми Багатырем царевичем, с Алпом царевичем, и с иною своею братьею, и с своими детми, и с сеиты и уланы, и со князи». Из процедуры подготовки соглашения 1508 г. вытекает, что «рота и правда» при этом «учинялись» на Коране. Из приведенного выше описания приведения к присяги казанских людей в 1551 г. видно, что сеиды, идущие в числе участников процедуры первыми, как бы благословляли ее. Не исключено, что в Казанском ханстве клятва на верность также произносилась на Коране, но прямых указаний на этот счет в источниках не сохранилось. Длительность процесса заключения договора («шерти») 1557 г. между Ногайской Ордой и Московским государством[13] также предполагает подготовку предварительного текста соглашения.

Конечно, дипломатическая переписка и соглашения тюрко-татарских государств не сводились только к отношениям с Московским государством. Так, в устных преданиях сибирских татар сохранились интересные сведения об особенностях инвеституры верховного сеида в Сибирском ханстве, когда глава мусульманского духовенства подбирался при хане Кучуме в Бухаре[14]. В послании казанского хана Сахиб-Гирея королю Польско-Литовского государства Сигизмунду I периода 1538-1545 гг. (точная дата неизвестна), имеющем внешнеполитический характер, отражены не только конкретные аспекты сотрудничества двух государств, но и знание казанской стороной тонкостей дипломатии (обозначение титулов Сигизмунда I, определение старшинства короля перед ханом и т. д.)[15]. Постоянные дипломатические контакты ханов Большой Орды и особенно Крымского ханства с Оттоманским государством хорошо известны[16]. Прямые контакты с Османской империей имело и Астраханское ханство[17]. В 1549-1551 гг. аналогичные связи с оттоманами отмечены и у Ногайской Орды[18]. Все это, естественно, требовало определенной дипломатической культуры.

Рассмотренные нами источники неоспоримо свидетельствуют о том, что в позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах существовала развитая дипломатическая культура. Высказывания последнего Верховного сеида Казанского ханства Кул-Шарифа (Хаджитархани), на деле знавшего не только практику, но и теорию дипломатии, подтверждают этот вывод. О дипломатии своего времени он говорил следующим образом: «В соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благополучия страны, спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани прикидывались друзьями, обменивались послами и государственными людьми». Тут же он привел одну актуальную для Казани пословицу середины XVI в.: «Не будь рядом с плохим». Свои размышления он закончил стихами:

Спокойствие мира зиждется на понимании смысла этих двух слов:
Быть верным с друзьями и притворно равнодушными с врагами[19].

Печати.

Еще одним элементом культуры государственного существования являлись официальные, т. е. государственные, печати. Они упоминаются в источниках практически всех позднезолотоордынских государств. Так, при посажении хана Шах-Гали на казанский престол в 1551 г. были составлены шертные грамоты, которые хан «попечатал своими печатьми»[20]. По-видимому, речь идет о государственных печатях. Изображение одной из них (алого цвета) сохранилось на ярлыке 1523 г. казанского хана Сахиб-Гирея[21], а другой (синего цвета) на ярлыке казанского хана Ибрагима 1479 г.[22] Обе печати квадратной формы.

В некоторых русских летописях под 1558 г. упоминается шертная грамота сибирского князя Ядигера Тайбугида «со княжею печатью»[23]. В шертной грамоте хана Кучума (1571 г.) приводится следующая запись: «…а на утверждение… яз Кучюм ц‘р печать свою приложил…»[24]. Исследование М. А. Усманова позволяет утверждать, что аналогичные печати двух форм — перстневые (миндалевидные) и

квадратные — имелись и в Крымском ханстве, причем на ханских печатях был герб Гиреев[25]. Они же упоминаются и в ходе московско-крымских переговоров 1515-1518 гг. (см. выражение «нишаны и алые тамги прикласти»). Такая же квадратная «тамга» (печать) имелась и у хана Большой Орды Махмута, жившего в Астрахани (1466 г.)[26]. В Астраханском ханстве печати тоже известны. Когда астраханский хан Абд ар-Рахман в 1540 г. отправил в Москву своего «большого посла» для переговоров о «дружбе и братстве», Иван IV «цареву бакшею велел грамоту дружебную написати», затем, после того как послы хана «на той грамоте… правду великому князю дали», хан должен был «на той грамоте правду дати и *печати свои* (выделено нами. — *Д. И.*)… прикласти»[27]. Эти печати, являющиеся наследием джучидской традиции, по своему содержанию (титулатура, имя владельца, герб) являлись элементом государственной власти, применяясь в целях официально-государственного удостоверения текстов[28].

Атрибуты государственной власти.

В русских дипломатических материалах сохранилось известие о том, что во время приема английского посольства Ер. Бауса (1583-1584 гг.) московский царь Иван IV сидел, «имея возле себя три короны: московскую, казанскую и астраханскую»[29]. И. В. Зайцев относительно последней короны предположил, что она «была военным трофеем времен астраханского взятия или же произведением русских ювелиров, созданным в связи с присоединением города»[30]. Думается, что более правильным является первое утверждение. Дело в том, что в «Казанском летописце» о казанской короне сохранилась любопытная информация. Она связана с моментом раздела после взятия г. Казани ханских сокровищ. Приведем ее полностью: «[Иван IV]… повеле взяти в свою царскую ризницу… избранного оружия… и царских утварей… Сокровища же царская, иже в Казани взято быша *венец царский* (выделено нами. — *Д. И.*), и жезл, и знамя казанских царей, и прочая царская орудия, в руце благочестивому царю Богом предана быша»[31]. Как видно из летописи, в руки русских попала не только ханская корона («венец царский»), но и другие государственные символы (жезл, знамя и еще какие-то атрибуты ханской власти — «прочая царская орудия»).

Так как известна и «сибирская корона»[32], напрашивается вывод о существовании в позднезолотоордынских татарских государствах определенной государственной символики. Это подтверждают и крымские материалы. Согласно В. Д. Смирнову, среди крымских архивных дел находилась «Родословная царствовавших Кипчакские степи в Крымском государстве Алджингыз — хановых потомков Гирей ханов и султанов и их поколений». Там, кроме прочего, отмечено, что Чингиз-хан был «в могульской ханской короне, имеющей верх зеленый, обитой белою с золотом и жемчугом шалью, с пером напереди из перьев колпицы и дорогих камней с жемчужными подвесками». Далее говорится о «троне, покрытом разноцветным восточным дорогим ковром, с лежащими перед троном в левой стороне на земле знаменами, литаврами, барабанами, бубнами, луками и стрелами, шишаками и панцирями». Наконец, «на троне, на синих подушках, лежат: на правой стороне — закон… а по левой… — тарак (т. е. тамга Гиреев. — *Д. И.*), принятый в символическую тамгу или герб»[33]. Некоторые из этих предметов были связаны с оттоманским протекторатом. Согласно «Тарихи Мухаммет-Гирей», крымскому хану Менгли-Гирею при утверждении его ханом оттоманским султаном были вручены «знамя, барабан и литавры»[34]. Очевидно, и они являлись символами власти.

Скорее всего, троны имелись и в других татарских ханствах. На существование трона в Касимовском ханстве намекает автор «Сборника летописей» Кадыр-Али-бек. В рассказе о поднятии в 1600 г. четырьмя карача-беками на «золотой кошме» Ураз-Мухаммета он приводит изображение престола («тәхет») в виде четырехугольника[35]. Правда, не исключено, что «престолом» тут названа сама кошма, но даже при этом присутствие термина «тәхет» весьма

показательно. А в «Казанском летописце» упоминается, что в момент взятия Казани русскими хан Едигер-Мухаммет сидел «на земле, на ковре», а не на обычном «царском месте златом»[36]. Похоже, что в последнем случае также имеется в виду трон или тронное место.

Придворный церемониал и этикет.

Сохранилось описание церемонии провозглашения в Касимове в 1600 г. султана Ураз-Мухаммета ханом при участии четырех князей из кланов Аргынов, Кыпчаков, Джалаиров и Мангытов. Она была описана одним из карача-беков, Кадыр-Алием, в его «Сборнике летописей», где есть даже такое примечание: «Раньше по правую руку от хана находились Кипчаки и Аргыны, а по левую — выходцы из племени Ширин и Барын»[37]. На церемонии, кроме «керманских беков и мирз», присутствовали и 200 человек из «черного народа», похоже, рядовые казаки. В тексте о церемонии сказано: «Внесли и разостлали золотую кошму… Буляк-сеид начал провозглашать хотбу. Затем четыре человека (карача-беки. — *Д. И.*), взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана… все мусульмане… огласили мечеть радостными кликами. Потом карачии, аталыки и имильдаши осыпали хана деньгами, и все присутствовавшие принесли ему поздравления»[38]. Как видно, элементом церемонии было чтение «хотбы». По-видимому, эта была общепринятая практика. В частности, в Ногайской Орде в честь новоизбранного бия также устраивался торжественный молебен[39]. Информация о присутствии среди предводителей племен, провозгласивших в 1429 г. Шибанида Абулхаира ханом, кроме султанов и огланов сеидов Кул-Мухаммета и Кара Саида также позволяет предположить сходный молебен в честь хана.

Для тюрко-татарских обществ XV-XVI вв. при подписании договоров была характерна клятва на Коране. Кроме Крымского ханства, близкая церемония отмечена в Ногайской Орде, когда по случаю шертования ногайские мирзы со свитой «в шатре пели намаз»[40].

В особом отношении к сеидам в татарских государствах также надо видеть проявление этикета и церемониала того времени. В частности, С. Герберштейн при описании церемонии встречи в 1524 г. казанской знатью недалеко от г. Казани султана Сафа-Гирея, приглашенного на казанский трон, указывает, что встреча была обставлена «с пышностью и почетом, ибо в этой свите (казанских князей. — *Д. И.*) был и сеид, верховный жрец татар». Далее этот автор сообщает, что сеид «пользуется у них такой властью и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают ему руку — а он сидит на лошади — и, склонив голову, прикасаются (к его руке): это позволено только царям, герцоги же касаются не руки его, а колен, знатные люди — ступней, а простой народ — только его платья или лошадей»[41]. То, что тут мы имеем дело не с выдумкой европейца, а с передачей реальной информации (речь в тексте сообщения идет о подлинных событиях, записанных со слов участников этого посольства еще в XVI в.), доказывает описание встречи ханом Кучумом прибывшей в Искерский юрт из Бухары делегации во главе с Ярым-сеидом[42]. В описании отмечается, что после сообщения послом хану Кучуму о прибытии духовенства тот со своими нукерами переправился через р. Иртыш, чтобы приветствовать прибывших.

Особое отношение к сеидам в позднезолотоордынских татарских государствах видно и по их титулам: «нәкыйбел әшраф», «судат гызам» или «садати гозам» («руководитель великих», «величество учителей великих»), переданным русскими и европейцами через понятия «великий бискуп», «великий анарый, або амир», «верховный жрец», «первосвященник»[43].

При дворах правителей тюрко-татарских государств имелся и свой порядок расположения знати на приемах. Так, русский посол В. Шадрин, бывший на приеме у крымского хана в 1518 г., отмечает: «…тут у него (хана. — *Д. И.*) сидел Агыш князь, Азика князь, Мансыр сеит, Апак, а *на другой стороне* (выделено нами. — *Д. И.*) сидели Ха-

лиль князь, Мамыш улан, да Мамыш Чечеут, да Абу-ла улан, да Япанча князь, да Мемеш мурза»[44]. Если учитывать, что в перечне знати имеются карача-беки (Агыш из Ширинов, Азика из Мангытов, Мамыш из Салджигутов, Халиль, видимо, из Кыпчаков), их нахождение по разные стороны от хана надо расценивать как элемент традиционного дворцового церемониала.

Некоторые элементы церемонии приема послов существовали и в Ногайской Орде. В частности, русские послы жаловались, что у них «пошлинники трех орд и придверники пошлин просили»[45]. Иногда послами это воспринималось как «воля», которую ногайский князь дал «крачеям… в пошлинах грабить»[46]. Но на самом деле тут мы имеем дело со старинной традицией, по которой «12 князем в Орде (Ногайской. — *Д. И.*) всегда со всякого посла» было положено «имывати по шубе да по однорядке»[47]. В. В. Трепавлов отмечает, что в Посольском приказе в Москве послам специально указывали на необходимость не поддаваться на бесчестные для них обычаи, в числе которых была и плата «посошной пошлины»: перед входом в шатер стражники бия иногда бросали «батог» (посох), и, чтобы через него переступить, следовало заплатить пошлину[48]. Приведенные выше примеры как раз связаны с этим обычаем, являвшимся в действительности частью церемонии приема послов в Ногайской Орде.

По всей видимости, такие же обычаи бытовали и в других, аналогичных татарскому государствах. Во всяком случае в московско-крымских соглашениях 1513, 1525 и 1531 гг. есть фраза о том, что во время приезда московского посла в Крым он прямо шел к хану, «а дарагам и пошлинникам даражским и иным пошлинники ни как не быти, ни сил, ни наступанью, ни грабежу и нечести»[49]. Эта старая формула из крымских актов известна еще с 1474 г.: «…посол идет прямо ко мне (хану. — *Д. И.*), а пошлинникам и даражским и иным пошлинники ни которым не быти»[50]. Можно высказать предположение, что в данном случае мы также имеем дело с трансформировавшимися элементами придворного церемониала приема послов, в том числе и представителей вассальных территорий, сохранившимися еще с периода Золотой Орды. Конечно, в рассматриваемое время они являлись уже частью государственной культуры тюрко-татарских обществ XV-XVI вв.

Придворный церемониал в государстве Шибанидов во время правления Шайбани-хана описан в «Михман — наме-йи Бухара» (1509 г.). Рассказывая об «августейшем собрании» в местности Кан-и Гил, недалеко от г. Самарканда, Фазлаллах б. Рузбихан сообщает, что при расположении в айване канигильского дворца «правая сторона украсилась сидением улемов, а на левой стороне расположились… султаны… Великие эмиры и почитаемые благородные мирзы в августейшем кругу удостоились занять места *согласно своим степеням и чинам*» (выделено нами. — *Д. И.*)[51].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Березин И. Татарский летописец. Современник Бориса Федоровича Годунова // Московитянин. – 1851. – № 24. – Кн. 2. – С. 543-554; Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1864. – Ч. II. – С. 403; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887. – С. 329-331.
2. Вахидов С. Г. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей-хана // Известия ОАИЭ. – 1925. – Т. 33. – Вып. 1. – С. 63.
3. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. – Казань, 1979. – 318 с.; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется…». – М., 1988. – 214 с.; Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань, 1997. – 78 с.; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – 752 с.; Зайцев И. А. Астраханское ханство. – М., 2004. – 301 с.
4. Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоордынских... – С. 24-25.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – М., 1965. – Т. 13. – С. 15, 25.
6. Там же. – С. 148.
7. Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоордынских... – С. 36.
8. Там же. – С. 36-38.
9. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 29. – С. 233, 251, 258; Т. 13. – С. 248, 276, 286.

10. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 63-65; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб., 1841. – Т. 1. – С. 340.
11. Зайцев И. А. Указ. соч. – С. 131.
12. Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – С. 194, 317, 532; Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Архив Санкт-Петербургского отделения Института российской истории РАН, ф. 36, оп. 1, д. 83, л. 132 об.
13. Трепавлов В. В. Указ. соч. – С. 611-614.
14. Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоордынских… – С. 53-61.
15. Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С. 26-38.
16. Зайцев И. А. Указ. соч. – С. 76.
17. Там же. – С. 115-117.
18. Трепавлов В. В. Указ. соч. – С. 246-247.
19. Шерефи Хаджитархани. Зафер-наме-и вилаяте Казан (1550) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1995. – Май. – С. 87.
20. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 13. – С. 169.
21. Вахидов С. Г. Указ. соч. – С. 63.
22. Усманов М. А. Указ. соч. – С. 34.
23. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 13. – С. 258; Т. 29. – С. 258.
24. Собрание государственных грамот… – М., 1819. – Ч. 2. – С. 64.
25. Усманов М. А. Указ. соч. – С. 140-166.
26. Там же. – С. 144, 147.
27. Зайцев И. А. Указ. соч. – С. 131.
28. Усманов М. А. Указ. соч. – С. 152-182.
29. Чтения Общество истории и древностей Российских, 1884. – М., 1885. – Кн. IV. – С. 98.
30. Зайцев И. А. Указ. соч. – С. 182.
31. ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 19. – С. 467.
32. Файзрахманов Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002. – С. 145.
33. Смирнов В. Д. Указ. соч. – С. 329-331.
34. Там же. – С. 297.
35. Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. – С. 403.
36. ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 19. – С. 163.
37. Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). – Казань, 1998. – С. 193, 195.
38. Березин И. Указ. соч. – С. 543-554; Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. – С. 402-405.
39. Трепавлов В. В. Указ. соч. – С. 566.
40. Там же.
41. Герберштейн С. История о Московии. – М., 1988. – С. 176.
42. Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоордынских... – С. 55.
43. Там же.
44. Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – С. 500.
45. Продолжение древней российской вивлиофики. – СПб., 1791. – Ч. VII. – С. 238.
46. Там же. – С. 239.
47. Там же. – СПб., 1793. – Ч. VIII. – С. 264-265.
48. Трепавлов В. В. Указ. соч. – С. 605.
49. Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1863. – Т. 5. – С. 406, 417, 419.
50. Собрание государственных грамот… – М., 1828. – Ч. 5. – С. 1.
51. Ибн Рузбихан Исфахани Фазлаллах. Михман-наме-йи Бухара (Записи бухарского гостя) / Перевод, предисловия и примечания Р. П. Джалиловой. – М., 1976. – С. 153.

Дамир Исхаков,
доктор исторических наук